

Увидев Чэн Ши и Фу Цзиня в горячем поиске, Гу Синчжоу не сдержался и с силой швырнул телефон об пол. Все его несчастья начались именно из-за этой парочки.

Наступит день, когда он раздавит и Фу Цзиня, и Чэн Ши.

Если даже такой, как он, пользуется подобным обожанием, то когда выйдет его собственная работа, он определённо станет куда популярнее.

Гу Синчжоу кипел от злости, но выплеснуть её было не на кого.

Как назло, именно в этот момент позвонил Мэн Хуэй, попав Гу Синчжоу под горячую руку.

Тот поднял с пола телефон. Экран треснул, но, к счастью, аппарат ещё работал.

Гу Синчжоу принял вызов, но промолчал.

В трубке послышался заискивающий голос Мэн Хуэя:

— Господин Гу.

— Что такое? — Гу Синчжоу подавлял ярость, и его тон был далёк от дружелюбного.

Мэн Хуэй был в курсе всего, что за последнее время натворил Мэн Синь, поэтому, услышав резкий голос Гу Синчжоу, он не посмел говорить прямо и всё так же заискивающе произнёс:

— Я слышал, что в следующем месяце семья Фу устраивает банкет.

Гу Синчжоу слегка нахмурился:

— Банкет?

Почему он об этом не слышал?

Мэн Хуэй продолжил:

— Изначально это был семейный ужин Фу, но говорят, что в этом году его решили превратить в благотворительный вечер.

— Благотворительный вечер...

Взгляд Гу Синчжоу изменился. Если это правда, то для него это отличный шанс снова заявить о себе.

— Я понял, — сказал Гу Синчжоу.

Мэн Хуэй стиснул зубы.

«Понял он, как же! Я звоню не для того, чтобы просто поставить тебя в известность, а чтобы ты меня туда провёл».

К несчастью, Гу Синчжоу всё прекрасно понимал, но не спешил предлагать помощь, а Мэн Хуэй из-за выходов Мэн Синя потерял лицо и не смел просить напрямую. В итоге Мэн Хуэю оставалось лишь проглотить обиду, какой бы горькой она ни была.

Поскольку Гу Синчжоу не собирался ему помогать, а связаться с сыном не удавалось, мужчине

пришлось искать другие пути.

***

Когда Чэн Ши вышел из ванной, Фу Цзинь привычно взял фен. Он вовсе не считал заботу о Чэн Ши обузой, напротив, это приносило ему удовольствие.

Кожа на загривке Чэн Ши была очень чувствительной, и каждый раз, когда подушечки пальцев Фу Цзиня проходили по ней, он весь замирал. От места прикосновения, словно разряд тока, по всему телу разливалось щекочущее чувство онемения.

Чэн Ши упорно молчал, а Фу Цзинь, поддавшись вредности, продолжал нарочно касаться этого места.

Наконец Чэн Ши не выдержал. Он перехватил запястье Фу Цзиня и, покраснев, прошептал:

— Хватит... Волосы уже сухие.

Уголки губ мужчины приподнялись. Не желая больше смущать Чэн Ши, он убрал руку.

Парень облегчённо вздохнул, но не успел он расслабиться, как в следующую секунду партнёр прижал его к кровати.

Он в замешательстве вскинул глаза на мужчину над собой.

Взгляд Фу Цзиня был тяжёлым. Он произнёс:

— Не бойся.

Чэн Ши: «... Ты сам-то веришь, что твои слова сейчас звучат убедительно?!»

Он попытался высвободить запястья из хватки мужчины, но тот явно не собирался его отпускать.

Мужчина упёрся коленом между ног Чэн Ши и, наклонившись, принялся слизывать влагу с его губ. Его движения были нежными, но властными и не терпящими отказа.

Юноше оставалось только подчиниться.

Основной свет в комнате был выключен, горела лишь прикроватная лампа. Её тёплого жёлтого сияния было недостаточно, чтобы всё осветить, но вполне хватало для создания интимной атмосферы.

Чэн Ши охватила паника перед тем, что должно было произойти. Сердце бешено колотилось, тело горело, а мысли становились всё более спутанными.

За то время, что они спали в одной постели, Фу Цзинь перепробовал почти всё, кроме последнего шага.

Фу Цзинь действовал постепенно, шаг за шагом расширяя границы дозволенного для Чэн Ши. И теперь, когда этот момент настал, Чэн Ши, помимо волнения, уже не чувствовал страха.

Однако, когда дело дошло до самого «принятия», он всё же не сдержал приглушённого стона.

Кожа юноши была очень белой, чёрные волосы, покрасневшие и припухшие губы. Взгляд подернулся дымкой, ресницы намокли от слёз, уголки глаз покраснели, а губы неосознанно приоткрылись.

Фу Цзинь смотрел сверху вниз на эту картину, и глубина его взгляда пугала. Он поднял руку, накрыв ладонью красную родинку на ключице юноши, и, чувствуя вздымание груди от его тяжелого дыхания, с силой надавил подушечкой пальца.

В ответ послышался тихий стон человека под ним. Глаза, затуманенные страстью, метнули в сторону Фу Цзиня взгляд — в нём не было угрозы, но он был невероятно манящим.

— Малыш...

— Какой послушный.

Щёки Чэн Ши уже давно стали пунцовыми. Сорванным голосом он выдохнул:

— Фу Цзинь, замолчи!

Этот человек обычно выглядел таким безупречным и благородным, что Чэн Ши и представить не мог, на что способен его язык.

Он говорил вещи, которые невозможно было слушать.

Чэн Ши и подумать не мог, что человек, столь немногословный в обычной жизни, оказавшись в постели, станет таким болтливым. И всё, что он произносил, заставляло краснеть до кончиков ушей. Он не хотел этого слышать.

Попытка первым поцеловать эти губы, извергающие поразительные признания, приводила лишь к ещё более яростным действиям.

Когда их губы соприкоснулись, Фу Цзинь сплёл их языки, целуя жадно и властно. На пике страсти он слегка прикусил нижнюю губу партнёра, заставив того вздрогнуть. Глаза Чэн Ши увлажнились, словно в них начался дождь, и он не мог сдержать катящихся слёз.

«Это просто поцелуй! Правда, просто поцелуй!»

Фу Цзинь негромко рассмеялся и, склонившись, прошептал прямо в ухо:

— Тебе разве не нравится?

Чэн Ши замахнулся, чтобы отвесить Фу Цзиню пощечину, но удар вышел мягким и бессильным. Напротив, его руку перехватили, и он не смог её забрать.

Он вымотался до предела.

Этот человек был по-настоящему вредным, но при этом по-настоящему дорожил им.

Зная, что горлу Чэн Ши не по себе, мужчина выбрался из постели, чтобы принести стакан воды, после чего прижал юношу к себе.

У Чэн Ши совсем не осталось сил, поэтому он позволил спить себе полстакана. Горлу стало легче, но в животе появилось чувство распирания.

— Ты так долго плакал. Ну же, сделай ещё пару глотков, — уговаривал Фу Цзинь.

Чэн Ши протестующе покачал головой. Его голос звучал хрипло и невыразимо жалко:

— Больше не могу.

Фу Цзинь как-то двусмысленно усмехнулся и поставил стакан на тумбочку.

Поддавшись вредности, он положил ладонь на живот Чэн Ши и принялся мягко его растирать.

Чэн Ши поначалу не осознавал намерений Фу Цзиня, а когда наконец понял, было уже слишком поздно.

— Сволочь! Фу Цзинь! Убирайся! — прохрипел Чэн Ши.

Фу Цзинь нежно его успокаивал, целуя заплаканные глаза партнёра:

— Послушный мой.

— Малыш, я виноват, м-м?

— Малыш...

— У-у... Вали!

Слёзы юноши окончательно потекли ручьём, всё его тело было в полном беспорядке.

Сделал глупость — просто извинись!

***

На следующий день.

Когда Чэн Ши проснулся, в комнате стоял полумрак. Мысли были путаными. Он долго лежал с открытыми глазами, прежде чем сознание начало возвращаться.

Он попытался опереться на руки, чтобы приподняться, но едва шевельнулся, как по всему телу разлился дискомфорт, заставив юношу невольно затаить дыхание.

Тёмная тень в углу комнаты зашевелилась, и Фу Цзинь подошёл к нему:

— Проснулся?

Он включил ночник у кровати, сел рядом и, просунув руку под одеяло, положил её на талию партнёра, мягко массируя.

Но Чэн Ши на это не купился. Превозмогая боль, он замахнулся ногой, чтобы пнуть его:

— Вали!

К сожалению, не только в ногах не было сил, но и в его голосе совсем не чувствовалось угрозы.

Глядя на рассерженного парня, Фу Цзинь понимал, что виноват — прошлой ночью он не смог сдержаться.

Фу Цзинь перехватил ногу собеседника, спрятал её обратно под одеяло и продолжил уговаривать:

— Что хочешь поесть? Я приготовлю.

Лучше бы он не поднимал эту тему. Как только она прозвучала, Чэн Ши мгновенно почувствовал сильнейший голод. Сначала он спросил:

— Который час?

— Семь.

— Семь утра? — сейчас была зима, и в семь утра действительно должно быть ещё темно.

— Семь вечера, — Фу Цзинь погладил юношу по чёрным волосам.

Чэн Ши: «...»

Он натянул одеяло на голову, демонстрируя, что не желает знаться с женщиной.

Его так затискали, а он даже злиться толком не умеет — ну как можно быть таким послушным?

Фу Цзинь встал, его голос звучал баловством и нежностью:

— Ты пока отдыхай.

Слыша шаги Фу Цзиня, Чэн Ши, прежде чем тот успел выйти, откинул одеяло:

— Фу Цзинь.

— Что такое? — Фу Цзинь остановился и обернулся.

Чэн Ши покраснел, ему было трудно это выговорить. Он стиснул зубы, но в итоге, не выдержав дискомфорта, тихо произнёс:

— Воды.

Зная, что юношу легко смутить, Фу Цзинь на этот раз не стал его поддразнивать. Он быстро принёс стакан теплой воды, осторожно помог ему приподняться и подложил под спину подушку, чтобы тот мог на неё опереться. Только после этого он успокоился.

На кухне уже давно была сварена каша, но так как Чэн Ши всё не просыпался, она остыла. Фу Цзинь разогрел её, наполнил пиалу и принёс в комнату.

Можно сказать, он заботился о партнёре безупречно.

«Впрочем, это он заслужил», — размышлял про себя Чэн Ши. Так дело не пойдёт. Фу Цзинь и в обычное время тот ещё хитрец. Тогда, при первых встречах, он сразу начал копать ему яму.

Что уж говорить о вчерашней ночи... Он ведь твердил, что больше не хочет, но этот человек пропустил всё мимо ушей, да ещё и припомнил его же старые слова, чтобы заткнуть ему рот.

«Что ещё за «одна ночь считается за один возврат долга»? Разве так сводят счёты?! Кто вообще так считает?!»

Чем больше юноша думал об этом, тем сильнее злился, и его взгляд на мужчину трудно было назвать добрым.

«Мерзавец!»

Чэн Ши слишком устал, чтобы спорить. Поев немного каши, он почувствовал, как накатывает сонливость, перевернулся на другой бок и снова уснул.

Фу Цзинь сидел на краю кровати, молча созерцая лицо спящего юноши.

***

Новость о том, что семья Фу собирается устроить банкет, вызвала немалый переполох в индустрии из-за того, что Мэн Хуэй раструбил об этом повсюду.

То, что изначально должно было стать небольшой встречей для высших кругов, теперь стало достоянием общественности.

Многие из кожи вон лезли, чтобы раздобыть приглашенный билет, и даже немало журналистов пытались пробраться туда под прикрытием, чтобы раздобыть эксклюзивные материалы.

Всего за один день телефон помощника Чжао и линии в офисе президента едва не взорвались от звонков.

В конце концов, получив согласие Фу Цзиня, они просто выдернули телефонные провода, и сотрудники офиса президента наконец смогли вздохнуть с облегчением.

Фу Цзинь разговаривал по телефону с помощником Чжао на балконе:

— То, что новости о банкете не удалось скрыть — не твоя вина.

На самом деле этот банкет был лишь частью его плана.

Услышав слова босса, помощник Чжао с облегчением выдохнул, а затем кое-что вспомнил и доложил:

— Господин Фу, Сюй Хэ из «Гуаншэн» сказал, что у него есть дело к господину Чэню.

Фу Цзинь:

— Угу.

Помощник Чжао работал с Фу Цзинем долгое время и неплохо понимал мысли своего босса. Он, разумеется, не был настолько глуп, чтобы продолжать расспросы. Такие вещи нужно было просто докладывать, чтобы поставить босса в известность.

Стоило ему повесить трубку, как последовал звонок от Чжэн Хэ.

Из-за прошлого инцидента Чжэн Хэ в последнее время вёл себя очень тихо, опасаясь, что Фу Цзинь припомнит ему старые грешки. К счастью, он активно признавал вину и вовремя «упал на колени» с извинениями, так что мужчина не стал его трогать.

В этот раз он звонил Фу Цзиню тоже по поводу банкета.

Учитывая состояние семьи Фу, они не то что редко устраивали банкеты сами, но даже посещали чужие мероприятия крайне редко. Поэтому неудивительно, что после появления новостей все, кто надеялся на сотрудничество с корпорацией Фу, пришли в неопределимое возбуждение.

Многие друзья Чжэн Хэ тоже начали расспрашивать его. С одной стороны, это казалось нелепым и маловероятным, с другой — слухи снаружи распространялись настолько яростно, что не были похожи на ложь.

Вот они и позвонили Чжэн Хэ, чтобы прощупать почву.

Всё произошло слишком внезапно, и тот сам был не в курсе, потому и позвонил разузнать.

Фу Цзинь не ответил и сразу сбросил вызов.

Когда Чжэн Хэ перезвонил снова, выяснилось, что абонент занят — он понял, что его занесли в чёрный список.

Чёрт!

Он злился, но ничего не мог поделать.

Фу Цзинь отбросил телефон в сторону, привёл себя в порядок и лёг в постель. Он притянул Чэн Ши в свои объятия, и, чувствуя его спокойное дыхание, ощутил в этот момент величайшее удовлетворение.

Во сне Чэн Ши показалось, будто он прижался к раскаленной печке. Хотя на дворе и стояла зима, жара была невыносимой.

Он невольно попытался оттолкнуть «печку», но его обняли ещё крепче.

Чэн Ши не смог вырваться и так и уснул.